

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 18 июля 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 18 de julio de 1987

Nº 1929

МЫСЛИ ВСЛУХ

ВЕРЕНИЦА ВОПРОСОВ

Если исключить с самого начала тоталитарные режимы из перечня возможных политических режимов, и если отвести в сторону авторитарные режимы, как трудно определяемые, то в конечном итоге останутся только лишь одни демократические режимы. Уже одно это обстоятельство может показаться несколько странным. Однако, это своего рода поветрие, или, вернее, политическая мода. Итальянский историк Г. Ферреро указывает, что каждая эпоха считает только лишь какой-нибудь один единственный режим полностью легитимным. Когда-то единственно легитимным режимом была монархия, сегодня — это демократия.

Действительно, как это не раз отмечал современный испанский философ Юлиан Марияс, все, больше чем полторы сотни государств-членов Организации Объединенных Наций, категорически заявляют, что они являются демократиями, независимо даже от их государственной формы.

Однако, несмотря на это, все же можно согласиться с тем, что существует — довольно незначительная — группа государств, которые можно назвать демократическими в более узком смысле этого слова, или вернее принадлежащих к так называемым "западным демократиям". (Каковое выражение тоже весьма относительно, так как к этим "западным демократиям" относят и Японию, находящуюся на Дальнем Востоке).

Таким образом, когда выдвигаются возражения против восстановления монархии в России, неизбежно возникает следующая вереница вопросов:

1. Если не монархия, ввиду ее несвоевременности, то тогда, значит, один из трех современных режимов?
2. Если не тоталитарный и не авторитарный режимы, то, значит, остается только лишь демократический режим?
3. Если абсолютно все современные государства провозглашают себя демократическими, несмотря на имеющиеся несомненные между ними существенные различия, то, значит, имеется ввиду так называемый западно-демократический режим?
4. Если этот западно-демократический режим отличается монопольным средоточием формальной политической власти в партиях, в то время как реальная власть распределена между партиями, финансово-экономическими корпорациями, центрами массовой информации, и стоящим за ними идеологическим эстаблишментом, то, значит, для установления в России подобной демократии, будет необходимо прежде всего установить и в России все эти учреждения?
5. Или же, в России можно будет развивать собственный не партийный и не идеологический строй? И. А.

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

К 70-ЛЕТИЮ ЦАРЕУБИЙСТВА

Прошло 70 лет с того дня, когда в подвале Ипатьевского дома были убиты Государь Император Николай II и Его Августейшая Семья с верными слугами. День 17 июля 1918 года — один из самых темных в истории России, и должен таковым навсегда остаться в памяти русских людей. Дикую, зверскую расправу над беззащитными людьми, никакими доводами оправдать нельзя.

ских людей более высокого образа, чем образ великомученика Царя Николая, искупившего страданиями грехи всей России. Наступает день, когда вся Россия с содроганием вспомнит о 17-ом июле 1918 года. Народная мысль и душа вспомнит того, кто положил свою жизнь за благо и честь отечества.

Несмотря на то, что прошло уже много лет после Екатерин

риализм XX века, каким-то образом, примером личной жизни, примером жертвенного служения России. Государь, теперь причислен к лику святых, и посмертно продолжает служить так горячо любимой им России и ее народу. И теперь, когда русские люди с острым горем вспоминают ужасные дни национального позора — моральное разорение родной страны после свержения царя — трагическая, воистину христианская смерть последнего российского венценосца дает нам надежду на возрождение России, ибо эта гибель, как и весь тернистый путь народа, пройденный после нее, медленно, но верно находит отклик в миллионах душ в нашем отечестве. Там для многих честных и непредубежденных русских людей становится понятным, что в силу трагических недоразумений, в силу клеветы, распространяемой врагами исторической России, многие не оценили одного из самых светлых и возвышенных монархов всей нашей истории.

Семьдесят лет, прошедшие со дня трагической гибели Государя и его семьи, в значительной мере отрезвили русских людей в нашем отечестве. Как пишет из далекого Краснодарского края известный русский писатель В. П. Астафьев в своем письме профессору Н. Я. Эйдельману в их полемике о национальном возрождении русского народа:

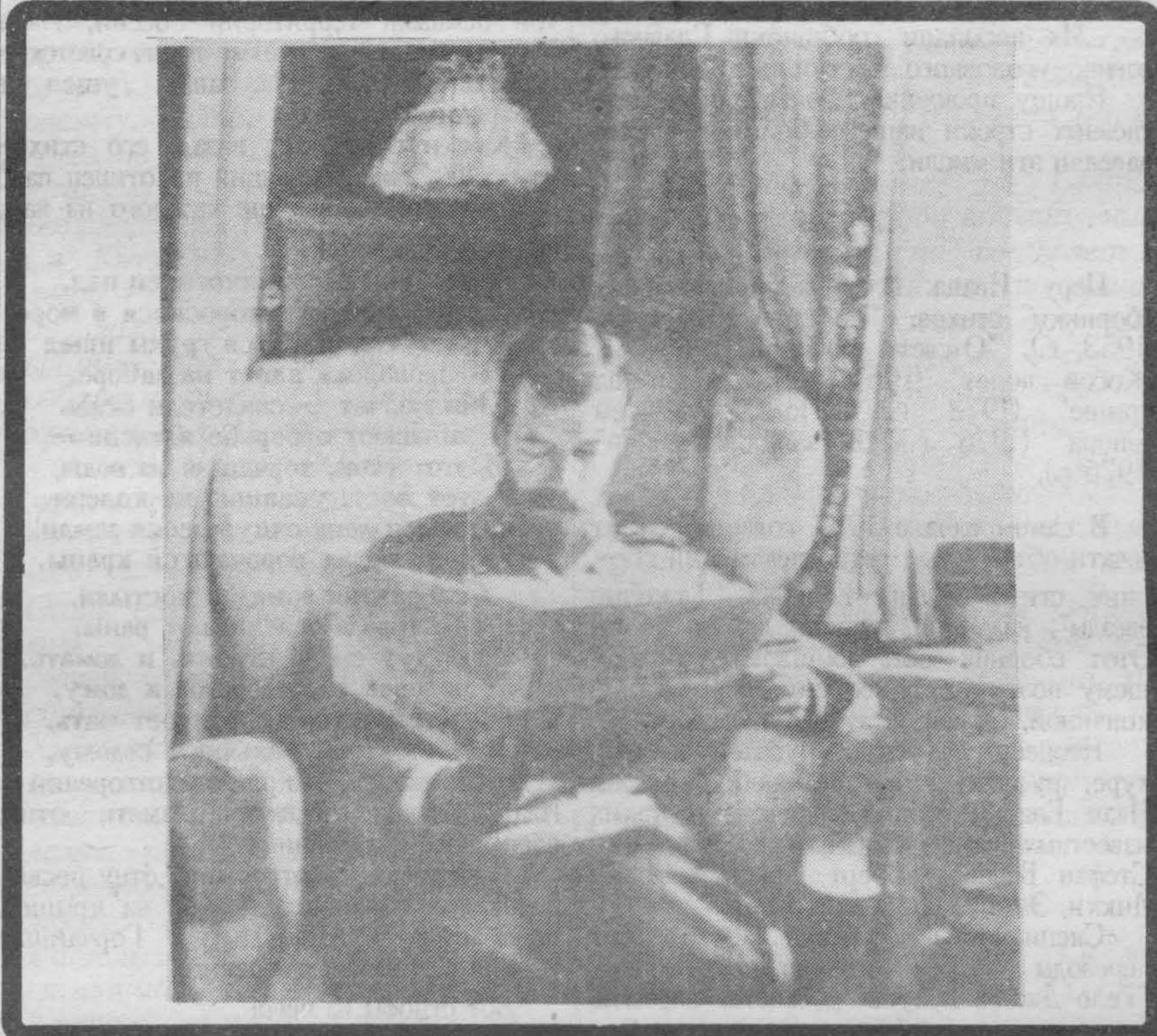
"Пожелаю вам того же, чего пожелала дочь нашего последнего царя, стихи которой были вложены в Евангелие: "Господь! Прости нашим врагам, Господь! Прими и их в объятия". И она, и сестры ее, и братец обезноживший окончательно в ссылке, и отец с матерью расстреляны, кстати, евреями и латышами, которых возглавлял отпетый, махровый сионист Юровский".

Кончает он фразой, которую должен запомнить каждый русский человек, страдающий за свое отечество, за свой народ и чтящий прошлое своей страны:

"Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти и мы все еще народ большой, и нас еще мало убить, но надо и повалить".

Будем надеяться, что эта возродившаяся способность к исторической памяти внесет в сегодняшнюю историю нашего народа творческое начало, которое заслужит Божьего благословения и станет источником решения тяжелых проблем нашей великой страны. Начало, которое наконец поставит в единую цепь будущее и прошлое и приведет к благоденствию все народы России.

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

Миропомазанный царь величайшей в мире державы, низвергнутый с высоты величия в глубину унижения, лишенный не только свободы, но и всех прав человека, угнетаемый страданиями семьи, ясно сознающий, как с каждым днем все тесней и тесней смыкается вокруг него кольцо свирепой злобы и сатанинских страстей, — с каким христианским смирением, с какой верностью заветам чести, с какой непоколебимой верой в Россию и любовью к своему народу он, Государь всея Руси, прощая своим гонителям, ждал страшной минуты конца!

Когда вся Россия погрузилась в грязь и кровь, когда все стало хмурым, тоскливым и безвольным, Государь подал пример стойкости и достоинства. В эти последние дни, перенося страшные духовные муки, Государь и Его Семья уже при жизни своей поистине стали святыми, и их образ будет все более и более возвышаться и просветляться, становясь примером чести, воли и тихой благодати.

И теперь, когда в нашем отечестве начинает просыпаться национальное самосознание и совесть народная, не будет в памяти рус-

бургского злодеяния, время не загладило, да и не может заглавить, память об этом ужасе, великая печаль не утихает среди русских людей, "в рассеянии сущих", и ростки этой печали становятся все заметнее на нашей родине.

Хотя о государственных делах, о политических успехах и неудачах и о различных событиях царствования Государя Императора Николая Александровича говорили, писали и спорили историки и политики, однако думается, недостаточно было сказано при этом правды. Но будет время — оно, пожалуй, уже в нашем отечестве и приближается, — когда станут общепризнанными исключительные по своей правдивости чистоте черты личности последнего царя жестоко погубленного.

Его посмертная духовная победа над всеми теми, кто при его жизни злобно и низко его оболгали, а потом и предали на гибель, столь же несомненна, сколь несомненна моральная низость его врагов, расчётливо подготовивших его муки и кончину.

Государь Император Николай Александрович был на рубеже жесточайшего и бездушнейшего, погрузившегося в скотский мате-

ВЛАДИМИР САМАРИН

ПАМЯТИ ИВАНА ЕЛАГИНА, РУССКОГО ПОЭТА

1.

Имя поэта Ивана Елагина хорошо известно в русском зарубежье.

Имя его хорошо известно и на родине, прежде всего в писательской среде. Еще в начале 60-х годов теперь покойный писатель Федор Панферов, побывавший в Англии, в беседе с русскими эмигрантами сказал:

— Мы знаем Ивана Елагина...

Теперь его имя широко известно в писательской среде, известно и читателям подпольной России.

Иван Елагин (настоящая фамилия: Матвеев) родился в 1918 году во Владивостоке, а умер в 1987 году (8 февраля) в США, в Питтсбурге. Умер от тяжелой болезни, бича нашего времени, рака.

Отец Ивана Елагина русский, журналист и писатель, мать — еврейка. В невидимом соревновании, — невидимом, по судьбоносном для будущего поэта, кровь его русских предков одержала верх.

Православный по рождению, по первому браку женатый на глубокой верующей женщине, известной русской поэтессе Ольге Николаевне Анстей, — Иван Елагин был глубоко русским поэтом.

Ведь только действительно глубоко русский человек мог так написать об Андреевской церкви, украшающей древнюю столицу Руси:

Из-за моста Цепного
Город возносит дома.
Ты же горнишь бирюзою
Там, на вершине холма.

О, как стройны колошны
И купола легки!
О, как отвесны склоны

И берега реки!

Ведь только глубоко русский человек мог написать о родине нашей такие истинно проникновенные строки:

Родина! Мы виделись так мало,
И расстались. Ветер был широк,
И дорогу песня обнимала,
Верная союжница дороге.

Разве можно в землю не влюбиться,
В уходящую из-под колес?
Даже ивы, как самоубийцы,
С насыпей бросались под откос!

Долго так не выпускали ивы, —
Подставляя под колеса плоть.
Мы вернемся, если будем живы,

Если к дому приведет Господь.

Умер поэт на чужбине, здесь и похоронен, поэзия его, преодолевая все завесы, все запреты, — вернется в Россию, уже возвращается!

Не просто поэтом был Иван Елагин, а поэтом выдающимся, большим поэтом. "Первым поэтом Русского Зарубежья", как назвал я его в редкие наши встречи. Теперь очень сожалеем, что не узнал его ближе, как человека, не узнал ближе и больше. Когда уходит человек навсегда, начинаешь жалеть.

Был Елагин потомственным литератором. Его дед, Н. П. Матвеев, был издателем, писателем, историком Дальнего Востока. После революции дед эмигрировал, жил в Японии, где и умер в 1943 году. Большая Советская Энциклопедия в статье о Дальнем Востоке ссылается на книгу деда Ивана Елагина "Краткий исторический очерк Дальнего Востока" (1910 г.).

Отец Ивана Елагина Венедикт Николаевич Матвеев — поэт, писатель — футурист, писавший в Советском Союзе под псевдонимом Венедикт Март.

Его вспоминает в журнале "Юность" (№ 12 за 1963 год) тоже давно покойный писатель Александр Фалеев.

Отец Ивана Елагина был арестован НКВД и расстрелян в Киеве в 1938 году. Отцу своему поэт посвятил одно из лучших своих стихотворений, вернее маленькую поэму "Звезды". Отца вспо-

минает в стихах своих не раз. Отца вспоминал и в Берлине, в бункере на Александерплац, когда безнаказанно сбрасывались "воздушные торпеды", бомбы огромной разрушительной силы, на головы стариков, женщин и детей. И не только на головы немцев, но и на наши головы, на головы десятков тысяч русских, живших в Берлине, рабочей молодежи, на головы тех, кто ушел от нашего заклятого врага — коммунизма.

Вот только четыре строки, полные гнева:

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами

Выбивают пыльные ковры...

... Они сидели в полной безопасности в кабинах "летающих крепостей" (в полной безопасности, потому что у немцев уже не было ни истребителей, ни зенитной артиллерии) и обрушивали на головы тысяч и тысяч ни в чем не виноватых людей огонь и смерть.

... Их посылали сообщники Главного военно-уголовного преступника Сталина.

Прошу прощения у читателей: четыре гневных строки нашего большого поэта навели эти мысли.

2.

Перу Ивана Елагина принадлежат сборники стихов: "По дороге оттуда" (1953 г.), "Отсветы ночные" (1963 г.), "Косой полет" (1967 г.), "Дракон на крыше" (1973 г.), "Под созвездием топора" (1976 г.), "В зале вселенной" (1976 г.).

В самом начале 1987 года вышел из печати объемистый ретроспективный сборник стихов Ивана Елагина "Тяжелые звезды", изданный группой друзей поэта. Этот сборник был доставлен умирающему поэту и принес ему, перед самой кончиной, большую духовную радость.

Неоценимую услугу русской литературе, русской культуре вообще оказал Иван Елагин своими переводами таких известных американских поэтов, как Стефан Беннет, Роберт Фрост, Джеймс Дикки, Эмилия Дикинсон и пр.

Специалисты считают, что его переводы знаменитой поэмы Беннета "Тело Джона Брауна" останутся навсегда в сокровищнице русской литературы. Его переводы современной американской поэзии регулярно помещались в журналах на русском языке, распространяемых в Советском Союзе, а именно: в журнале "Америка" и в журнале "Советско-американский диалог".

По приезде в США в 1950 году Иван Елагин, как и многие русские эмигранты, начал с нелегкого труда. Потом работал в конторе "НРС" в Нью Йорке в отделе объявлений.

Начал слушать лекции в Ньюйоркском университете, и в 1970 году получил докторскую степень по литературе. Преподавал в том же Ньюйоркском университете, а затем в Колумбийском.

В 1971 году получил место профессора в Питтсбургском университете. Ряд лет еще преподавал в известной Летней русской школе в г. Миддлбери, в штате Вермонт.

Как верно отметили его коллеги по университету:

"В поэзии Елагина чувствуется озорная и добродушная усмешка человека, который навсегда остался "перемещенным лицом", над установленными, рутинными нормами западной жизни. Бьющая через край энергия, некоторая гротескность и яркое живое воображение, современный непринужденный разговорчивый язык контрастирует с традиционными классическими размерами его поэзии, создавая неожиданные поэтические эффекты".

На вкус, на цвет, как известно, товарища нет...

Мне гораздо ближе его первые книги "По дороге оттуда" и "Отсветы ночные" с

их чеканным традиционным — вечным! — стихом.

Иван Елагин начал писать, как принято говорить, в "письменный стол", еще на родине, в подпольной России.

Еще в 1938 году, перед тем, как начал стихать кровавый сталинский террор, Иван Матвеев, позже взявший псевдоним Елагин, во весь свой поэтический голос сказал о том, что думали миллионы людей:

О, Россия — крошечная тьма...

О, куда близких дели?

Они входят в наши дома,
Они шугают наши постели...

Разве мы забыли за год,
Как звонки полночные били,
Остывали у ворот
Черные автомобили...

И замученных, и сирот —

Неужели мы все забыли?

Грохнула война... Оставшись на занятой немцами территории России, Иван Матвеев, вместе с сотнями тысяч советских граждан ушел на Запад, ушел в эмиграцию.

Как и сорок лет назад, его стихотворение "Уже последний пехотинец пал" находит отклик в душе каждого из нас, войну переживших:

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море,
А на путях дымится груды шнал
И проволочка влится на заборе.

Они молчат — свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене —
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.
Но труден день очутившейся земли.
Уже в портах ворочатся крапы.

Стаиваются дома на костыли.
Там города залечивают раны.
Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.
Он постучится. И откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

Я уже сказал, что ряд стихотворений Иван Елагин посвятил памяти отца, погибшего в ежовщину.

Последнее стихотворение, отцу посвященное, в сборнике "Дракон на крыше". Называется "Амнистия". Горчайшая ирония в этом стихотворении.

Вот строфы из него:

Еще жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.
Вероятно на пенсию вышел,

Живет на юкое

И дело привычное бросил.

Ну, а если он умер, —

Наверное жив человек,

Что пред расстрелом

Толстой

Проволокою

Закручивал

Руки

Отцу моему

За спиной.

Верно тоже на пенсию вышел...

... Если бы я захотел,

Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,

Что все эти люди

Простили меня.

Тень нашего окаянного времени легла на поэзию Ивана Елагина, и была опасность ее сужения в границах временного, опасность чрезмерного звучания темы политической, но поэт даже в этой теме поднялся над временным, утвердил в своей поэзии общечеловеческое:

Млечный путь осел на колею,
День жесток, а ночь еще жесточе.
У столба дорожного стою
За колючей проволокой ночи.

В стихах Ивана Елагина глубокое проникновение в судьбу человека, широкий охват трагичности ее, человеческой

судьбы в наше окаянное время:

Знаю, не убьет меня злодей,
Где-нибудь впотьмах подкарауля,
А во имя чьих-нибудь идей
Мне затылок проломает пуля.

И расправу учинят, и суд
Надо мной какие-нибудь люди,
И не просто схватят и убьют,
А прикончат идеалов ради...

3.

В наше поистине апокалиптическое время — апокалиптические видения встают перед поэтом:

Вселенная! Так вот твоя изнашка!..
Едва рванули ткань твою по шву —
И поднялась гигантская поганка
Одкуда-то из ада в синеву.

И зарево ударило по тучам,
Полгорода внизу испепеля.
Так вот каким заправлена горячим
Несущаяся в космосе земля.

Еще в поту мы эту землю пашем,
Еще и воздух не отравлен весь,
Но с той поры грохочет в сердце
нашем

Тоски и гнева взрывчатая смесь.

Одно из самых страшных преступлений перед человеком, перед всем человечеством, может быть, самое страшное преступление — это приказ нелюдей сбросить атомную бомбу на огромный город, на головы ни в чем не повинных детей и женщин... На головы сотен тысяч людей!

Не даром же все, приказ этот античеловеческий выполнившие, лишились рассудка. Не кара ли Господня!

Этим величайшим в истории человечества преступлением открылась новая эпоха — эпоха начала гибели человечества.

И потому в сердце поэта, как и в сердцах миллионов людей, — "тоски и гнева взрывчатая смесь".

Один из лучших сборников Ивана Елагина, может быть, самый лучший, — сборник "Отсветы ночные" заканчивается поэмой "Льдина", произведением подлинно значительным.

В "Льдине", как и в других своих стихах, поэт говорит то, что думает, ни на кого не оглядываясь, никого не страшась.

Только так и создается настоящая поэзия, возвышающаяся над государственными режимами, политическими системами и доктринами, антифилософскими и просто философскими учениями, то есть над всем временным, преходящим.

Слушайте, сильные мира сего!
Только и просим мы — льдину всего!
... Льдину из тех, что несутся на счастье

Там, где лазоревый дым океана,
В месте, которого нету на плане,
Льдину без колесов, льдину без статуса,

Льдину для тех, кому хочется спрятаться,

Льдину, что в море плывет анонимно,
... Без маяков и без капитоля,
Льдину, которой милее приволье.
Льдину, куда не опустится летчик,
Льдину мечтателей и одиночек!
Волны раздвинув, плыви без запретов
Льдина пишвинов, льдина поэтов!

И плывет без границ и запретов
льдина Ивана Елагина — его поэзия!
И никакие временные "замки на границах", никакие завесы и занавесы не преградят ей путь в русскую литературу.

Поэзия Ивана Елагина уже в русской литературе — и останется в ней навсегда!

ВЛАДИМИР САМАРИН

ПАСХА НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

В Великий Четверг 1987 года начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, по традиции, служил утром в Елеонском храме, а 12 Евангелий читал в Гефсиманском храме, который стоит в том саду, где некогда Христос, оставленный всеми, молился до кровавого пота. Служили архимандрит Нектарий и иеромонах Иоанн М. К концу службы с Елеона подошли игумен Андроник, иерей Всеволод и все кто мог. И уже все молящиеся, по окончании службы, вышли крестным ходом из Гефсиманского сада, в котором Иуда предал Своего Божественного Учителя в руки спирит Синадрона. Пошли с пенцем тропаря "Егда славил ученицы..." к Стефановым воротам, чтобы отсюда пройти по Крестному Пути.

Дошли до так называемой "Темнички Христа", в которой, по преданию, дождался Спаситель суда у Понтия Пилата. На том месте было прочитано Страстное Евангелие и шествие двинулось дальше по тому самому пути, по которому Богочеловек, уже приговоренный к смертной казни, нес Свой крест. Дошли до Русских Раскопок, где находится Порог Судных Врат, тех врат, через которые преступники выводились за город на смертную казнь. По римскому закону у этих ворот читался в последний раз приговор суда и если кто-нибудь был против постановления, шествие возвращалось к зданию суда и дело пересматривалось. Но когда Христос прошел Порог этих так называемых Судных Врат, Он остался один: никто за Него не заступился.

Наш крестный ход подошел с пенцем к этому Священному Порогу. Опять было прочитано Страстное Евангелие. Начальник Миссии, по давней традиции, сложившейся еще в то время, когда его сопровождали толпы богомольцев из России, сказал проповедь. Вслед за начальником о. Иоанн М. кратко проповедовал на английском языке для довольно большого количества иностранных богомольцев. Все с умилением приложились к Порогу, по которому прошел Божественный Страдалец.

В Великий Пяток в обоих обителях торжественно выносились св. Плащаницы и было совершено Погребение Христова. Весь день большой колокол Гроба Господня одиноко вещал о трауре всего христианского мира.

Наступила Великая Суббота. В обоих храмах довольно рано была совершена замечательная литургия Субботы Великого Покоя, после которой в обителях воцарилась тишина — "Да молчит всякая плоть человека" — в ожидании Святого Огня. Погасили все лампы, приготовили новые фитили. Все кто мог отправились к Храму Святого Гроба. Чин Святого Огня неоднократно описывался. Приведем несколько личных впечатлений.

Площадь перед собором запружена множеством народа. Монашествующие и духовенство кое-как впускаются стражей, которая стоит у дверей собора. Войдя в храм, лишь с большим трудом можно пройти через толпу,

которая празднично возбуждена. Добралась мы наконец почти до самой Кувуклии как раз, когда начался крестный ход вокруг оной во главе с Патриархом. Он один шел в полном облачении. Перед ним шествовали хоругви, певчие и большое количество духовенства. И вот, среди общего шума в храме и смешанного гула голосов, внезапно раздается сладостная мелодия певчих, которые поют известный тропарь "Воскресение Твое, Христе Спасе, ангелы поют на небесах, и нас на земли столоби чистым сердцем Тебе славим". Священный клир обходит трижды Святую Кувуклию. Во время третьего обхождения лики поют "Свете Тихий".

Наконец Патриарх останавливается у входа в Гроб Господен, который запечатан. С него снимают облачение кроме подризника и епитрахили и его осматривают армяне, которые проверяют его одежду. Толпа, которая ведет себя довольно прилично, совершенно утихает, чувствуется большое напряжение. Патриарх входит в Св. Кувуклию, за ним закрывают двери Гроба. Внутри самого Гроба он долго молится. Народ жлет срашительно молча. Весь огромный собор, а также и площадь перед храмом до отказа заполнены народом. Все ждут. Вдруг как бы молния прорезает верх Кувуклии и все начинают шужеть, кричать. В одно мгновение появляется Святой Огонь, его передают из рук в руки, вель у всех тучки 33 связанных свечей — годы Спасителя. Каждый старается обвести огнем свое лицо. Храм еще несколько минут тому назад совершенно без огня, вдруг начинает освещаться множеством лампад и свечей. Патриарх торжественно выходит из Кувуклии с двумя горящими факелами Благодатного Огня. Начинается величественный звон колоколов храма Святого Гроба. Действительно

чувствуешь, что Господь, по своей великой милости, еще не оставил нас, православных, без Своего утешения. Весь народ только что стоявший в храме, теперь валит из него. У всех горящие свечи, лампы, фонари, все спешат отнести Благодатный Огонь в свои храмы, чтобы зажечь им лампы. Так и в наших храмах вскоре засветились лампы и свечи Благодатным Огнем. Усталость не чувствуется, вель самый праздник еще впереди, Великая Суббота на исходе.

В 8 часов вечера у Плащаницы началось чтение Деяний Апостольских. В 11,30 зазвонили полуголосицу. Уносится Святая Плащаница, ровно в 12 часов ночи тихо раздается первое "Воскресение Твое Христе Спасе". Слышится звон Гроба Господня, Елеонских колоколов. Самый большой, Елеонский Иван Великий, начинает, ему вторят остальные, крестный ход выходит из Храма. Настала Пасха Господня 1987 года.

Те, кто впервые на Святой Земле, унесут с собой впечатление, которое никогда не потеряется. Те, которые как насельники наших монастырей, переживают эту пасхальную радость уже не в первый раз, благодарят Господа, что Он их столобил еще раз встретить Торжество из Торжеств. А те, кто стремятся попасть на Пасху в Иерусалим, молят Господа столобить их еще раз встретить там Святой Праздник. Всем нашим читателям от души желаем все-таки постараться, если на то будет возможность, приехать на пасхальное время сюда, — как это делали, в гораздо более трудных условиях, наши благочестивые предки.

Протоиерей Владимир Скалон
И. о. начальника Русской
Духовной Миссии в Иерусалиме

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ

К 90 - ЛЕТИЮ

Архиепископ Серафим Чикагский и Детройтский, в миру Леонид Георгиевич Иванов, родился в городе Курске 1 августа 1897 года. Окончил в Курске гимназию, пробыв год в Московском Университете, потом поступил в Сергиевское Артиллерийское училище в Одессе. Сражался в рядах Белой армии, дослужившись до чина поручика. После эвакуации из Крыма с врагеленской армией, попал в Югославию, в Белград, где окончил два факультета: философский и богословский.

Был пострижен на Афоне. Пробыв 3 года преподавателем сербской гимназии, после чего уехал в Чехословакию на Карпатскую Русь, в село Владимирово, где потрудился 16 лет, из них 6 — помощником настоятеля, а 10 лет настоятелем монастыря, в котором, когда он приехал, было только 6 или 7 человек, а уже перед эвакуацией, по случаю приближения большевиков в 1944 году, числилось свыше 40 человек. Руко-

положенный в архиереи митрополитом Анастасием, прибыл в конце 1946 года в США, где он и все прибывшие с ним, были поселены в Троицком монастыре в Джорданвилле.

В 1950 году епископа Серафима попросили устроить Синопальное Подворье в Магопаке, в имении подаренном князем С. С. Белосельским. В Магопаке епископ Серафим пробыл около 8 лет. В 1950 году епископ Серафим был назначен Синопаль Русской Зарубежной Церкви в Чикаго, где святительствовал около 30 лет. В 1959 году епископ Серафим был возведен в сан архиепископа. Сильно заболев в январе сего 1987 года, архиепископ Серафим попросил Синод уволить его в бессрочный отпуск, с разрешением ему поселиться в Магопаке, где он находится в настоящее время.

Всего архиепископ Серафим пробыл священнослужителем 61 год, а архиереем 41 год. Сейчас он старейший почетный член Архи-

ПАМЯТИ ПАТРИОТА

В Каннах на юге Франции, в старческом доме, 15 июня с. г. скончался Иларион Евгеньевич Боржанский, который был хорошо известен русской колонии в Буэнос Айресе.

По своему переезде во Францию, покойный в течение более чем 20 лет был секретарем настоятеля Св. Михайловского храма в Каннах, совмещая это с должностью псаломщика, а также корректора "Епархиального Вестника".

Иларион Евгеньевич был большим знатоком истории, как русской, так и всемирной и исключительно культурным и начитанным человеком. В течение нескольких лет сотрудничал в "Нашей Стране", подписывая свои корреспонденции полным именем или инициалами И. Е. Б.

Царство Небесное русскому патриоту, хорошему человеку и ценному труженнику русской эмиграции.

ерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей.

Какова же была деятельность архиепископа Серафима, особенно за 41 год архиерейства?

Имение в Магопаке, Владыка назвал Синопальным Подворьем "Новая Коренная Пустынь". Постепенно собралось там до 15 человек братии и послушников.

Построены были: красивая полудомовая церковь, св. Ворота, гостиница, колоколенка и приобретено 10 акров земли.

На Карнатах Владыкой (тогда иеромонахом и архимандритом) было выстроено больше десятка храмов и возвращено из унии в православие несколько тысяч человек.

Особенно много потрудился Владыка Серафим в Чикаго. Принял он Чикагскую епархию только с 4 или 5 приходами, а теперь в ней 19 приходов.

Владыка Серафим приобрел в 100 милях от Чикаго большой участок земли с озером, леском и двумя домами. Селение было названо им Владимирово, в честь Владимира на Карнатах. Там, по его инициативе, была построена красивая церковь, вместимостью до 200 богомольцев.

Пятьдесят участков по полакру и акру были распроданы православным русским людям и образовался там небольшой приход.

Во Владимирово под духовным руководством Владыки было проведено 25 летских летних лагерей.

Итак, Владыка Серафим создал за время своего священнослужения свыше 50 приходов, а через летские лагеря прошли около 1000 ребят. Теперь он хочет под конец жизни отдохнуть, для чего он поселился, с благословения митрополита Виталия и Архиерейского Синода, в созданной им Новой Коренной Пустыни, в 50 милях от Нью Йорка.

Там, 1 августа с. г. будет совершено празднование его 90-летия.

Редакция "Нашей Страны" сердечно поздравляет магистического пастыря нашей Церкви и возносит молитву о даровании ему сил и здоровья. Многая лета!

Зарубежная жизнь

"БЕЗ ВЕРЫ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВА"

Русский Литературно-Исторический Кружок "За Веру и Верность" устроил в Мюнхене доклад, посвященный 70-летию российской катастрофы. Доклад открыл В. В. Зарубин, один из организаторов Кружка и с докладами выступили Л. И. Барат-Баранов и доктор исторических наук И. О. фон Глазенап.

Л. И. Барат-Баранов в своем докладе "Без Веры, Царя и Отечества" освятил положение русской армии после отречения Государя. Он указал на полный развал, небоеспособность и малодушие высших военачальников.

И. О. фон Глазенап рассказал слушателям об участии международных враждебных России сил в революции 1917 года.

После официальной части многочисленная публика, русская и иностранная, прослушала концерт хора "Полянушка", под руководством Е. К. Шефтиер, который исполнил русские народные и казачьи песни и песни Императорской Армии.

По просьбе гостей Л. И. Барат, под аккомпанемент Е. В. Шефтиер спел известную песню кавказских драгун "Ура Кавказские драгуны" и застольную песню всех конных батальонов.

Вечер прошел тепло и дружелюбно, объединив русских людей в гордости отечеством и надеждой на его возрождение в былой славе и могуществе.

Б.

СОВЕЩАНИЕ РУССКИХ БЕЛЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АРГЕНТИНЕ

28 июня с. г. состоялось второе заседание "Совещания русских белых организаций" в Аргентине. Присутствовали уполномоченные представители от следующих организаций: Объединение институтов, Объединение калет российских калетских корпусов, Организация российских юных разведчиков, Российский имперский союз-орден, Российский обще-воинский союз, Союз св. Александра Невского, Толстовский фонд. Координатором заседания был единогласно избран представитель Союза св. Александра Невского Д. С. Заботкин.

Заседание постановило образовать постоянное Совещание русских белых организаций в Аргентине. (По-испански: "Conferencia de Organizaciones Rusas Blancas en la Argentina").

Заседание постановило отметить в этом году совместно День Скорби, и по этому поводу заказать молебен Царственным Мученикам, в Воскресенском Соборе, в Буэнос Айресе 9 июля с. г.

На заседании обстоятельно разбирались вопросы связанные с празднованием Тысячелетия Крещения Руси.

Следующее заседание Совещания русских белых организаций в Аргентине назначено на воскресенье 16 августа с. г. в 17 часов, на улице Буэнос Айрес 2655, Оливос. В этом заседании могут принять равноправное участие уполномоченные представители всех русских белых организаций в Аргентине.

Д. Заботкин

КОНЧИНА Н. Л. ДОБРОВОЛЬСКОГО, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РОВСа В АРГЕНТИНЕ

29 июня с. г. скоропостижно скончался Николай Львович Добровольский, председатель Аргентинского Отдела Российского Обще-Воинского Союза.

Н. Л. Добровольский родился в 1898 году в Тифлисе. в 1915 году поступил в Политехнический институт в Петербурге, но со второго курса перешел в Михайловское Артиллерийское Училище. По окончании 10-го ускоренного курса, вышел в 13-ю Артиллерийскую бригаду, на Румынском фронте. В декабре 1917 года вступил во 2-ю Бригаду Русских добровольцев Румынского фронта. В дальнейшем состоял во 2-ом Конном Генерала Дроздовского полку, в конное Главнокомандующего генерала Врангеля, и в других подразделениях. Был три раза ранен. Эвакуировался из Севастополя в Константинополь, а затем в Югославию. С 1952 года проживал в Аргентине, где вступил в должность начальника Аргентинского Отдела РОВСа. До самых последних дней своей жизни, Н. Л. Добровольский продолжал принимать активное участие в жизни русской политической эмиграции. Третьего мая с. г. он принял личное участие в первом заседании "Совещания русских белых организаций в Аргентине", на котором он был единогласно избран председателем-координатором. За день до своей кончины, 28 июня с. г., он собирався принять участие во втором заседании этого Совещания, но ввиду неожиданного недомогания он не смог на него прибыть. Однако, как человек аккуратный и офицер старой русской царской армии, он прислал собственноручную записку, с объяснением своего отсутствия, и с выражением своей поддержки этому начинанию. Свой голос он формально передал представителю ОРИОР.

Отпевание воина Николая совершил протоиерей о. Владимир Шленев, в храме Св. Владимира при Корпусном Доме, в буэносайресском пригороде Вижа Бажестер 30 июня с. г.

О Ш И Б К А

В "Монархической этнографии" ("Наша Страна" № 1921) по вине корректуры вкралась досадная ошибка: вместо "имп. Александра *Благословенного*", поставлено "*Блаженного*".

« РОДИНА »

Продаю комплект журнала
Ивана Солоневича "Родина"
(все семь номеров)
Болгария, 1940.

Стоимость: 50 ам. долларов
(включая пересылку,
заказной почтой).

Обращаться в Редакцию

ПЕЧАТЬ

ЧТО ЧИТАЮТ В РОССИИ?

В статье С. Максудова "Запад и Восток", в № 15 журнала "СССР: Внутренние Проблемы" мы встречаем такое место:

"Сошлюсь на работу крупного немецкого социолога Клауса Менерта. Автор тщательно изучал библиотечный спрос в различных уголках СССР и составил список 24 наиболее популярных писателей. Вот эти имена: Абрамов, Айтматов, Астафьев, Белов, Быков, Думбалде, Распутин, Шукшин, Солоухин, Трифонов, Борис Васильев, Стругацкие, Липатов, Симонов, Бондарев, Нагибин, Чаковский, А. Иванов, Г. Марков, Пикуль, Проскуряк, Ю. Семенов, братья Вайнер, Ефремов".

Мы видим, что значительное большинство в данном перечне составляют писатели-деревенщики, к которым присоединяются несколько авторов научно-фантастических романов и несколько писателей, сперва бывших в некоторой оппозиции к советской власти, но затем с нею помирившиеся. Интерес к описаниям войны связан, может быть, с тем, что в тот момент казенная большевистская пропаганда была ослаблена, уступая место патриотической ноте. Есть тут и имена, которые нам лично неизвестны (почему и судить о них трудно). Некоторые же, как Пикуль, могут соблазнять возможностью хоть что-то узнать о старом времени и об изнанке революции.

В общем, — народ хорошо умеет выбирать; да жаль, — выбирать-то ему приходится из строго ограниченного круга.

СТЫДНО БЫТЬ ЕВРЕЕМ?

"Наша Страна" опубликовала переписку Н. Эйдельмана с В. Астафьевым. Заслуживал бы, может быть, опубликования, хотя бы в выдержках, и отклик на нее Ю. Штейна, помещенный в "Стране и Мире" № 1 от с. г. Приведем главное место:

"Для русского верующего человека расстрел царской семьи — рана незаживающая. Особенно сейчас, после недавней канолизации их как великомучеников. И то, что непосредственным организатором этой расправы, собственноручно расстрелявшим беззащитных, оказался еврей Юровский, прочно осело в темных углах сознания. Сионист он там, не сионист, разберись под горячую руку, но — еврей, и это так просто не забывается... Не забыл, надо думать, коренной житель деревни В. Астафьев и о не в меру активном участии евреев-партийцев в кампании раскулачивания и коллективизации, приведшей крепкое крестьянское хозяйство России к сегодняшнему, быть может, уже непоправимому развалу.. Не лишена оснований и раздраженная ирония В. Астафьева о евреях пушкиноведах, лермонтоведах, комментаторах Достоевского. Повод к такому настрою дает ему в своем письме сам Н. Эйдельман.

Примечание полемики и правдивая позиция Н. Эйдельмана коренятся не только в чрезмерных его личных амбициях, но, думается, прямо скажем, и в специфических наших ашкеназийских комплексах, сужившихся из сознания принадлежности к избранному народу и психологии уроженца местечка. Отсюда и убежденность в национальной нашей непогрешимости, отсюда и наши претензии на монополию только своих страданий.

Когда здесь, в Штатах, в первых рядах либеральствующей, безответственной части общества, подрывающей по сути дела основы стабильности государства, я увидел именно еврейскую интеллигенцию, когда на недавних президентских выборах все белое и цветное население страны, включая малоимущих латиноамериканцев, голосовало в большинстве за Рейгана, и лишь единственной национальной группой, отдавшей в подавляющем большинстве голоса Мондейлу, оказались еврейские избиратели, мне... хотелось крикнуть: стыдно быть евреем!

Такое же чувство вызывает у меня сейчас неблагодарный, провокационный по сути своей поступок Эйдельмана в надуманном споре с Астафьевым".

ПОЛУ-И ЧЕТВЕРТЬ-ПРАВДА

В "Русской Мысли" некто В. Т., в длинной статье "Правда и полуправда в новой книге о советской науке", бичует подсоветского писателя Д. Гранина за повесть "Зубр" о видном генетике Н. Тимофеев-Ресовском. Вполне правдоподобно, что "Гранин в настоящее время является одним из наиболее рьяных сторожиков горбачевской политики *гласности*", как и то, что он настаивает на раскрытии правды об истории Советского Союза".

У человека, живущего в СССР, такая линия поведения весьма понятна; и можно ли за нее винить?

А вот паивностью или лицемерием веет от фразы В. Т.: "Описывая жизнь биолога после смерти Сталина, Гранин также предпочитает умалчивать о подробностях тех разного рода преследований, которым подвергался Тимофеев-Ресовский". (Хотя, между прочим, при чтении повести как раз легко угадывается, что ученый работал в каком-то учреждении тюремного типа, и что его свобода была значительно ограничена).

"Предпочитает"! Очень вероятно, Гранин *предпочел бы* рассказывать всю правду, — да разве бы ее напечатали?! Могло бы случиться, что ему этакое правдолюбие и добра бы и не принесло. Да мы ведь даже и не знаем, что именно он писал, — а лишь то, что опубликовано.

Г-н В. Т., очевидно, воображает себе, будто в Советском Союзе при товарище Михаиле Сергеевиче и впрямь воцарилась полная свобода слова! В том же роде он разбирает и другие места из повести Гранина. А надо же понимать, что в Москве или Ленинграде климат совсем иной, чем в Париже. Не только географически, но и политически.

В. Р.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578 - 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. Цены за экземпляр газеты:

Австралия - 0.80 ам. долл.; Германия - 1.80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0.80 ам. долл.; Аргентина - 0.70 австр. В остальных странах - 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чeki и "монета ордер" выставлять на Miguel Kireeff. Просьба не делать банковских и почтовых денежных переводов. "NASHA STRANA" -

"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18 de setiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 - 11, 1430 Bs. As.

Correo Argentino
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces. No. 4233
Interes General. Conces. No. 3980